

Психологические науки / Psychological Science
Оригинальная статья / Original Article
УДК 159.923
DOI: 10.31161/1995-0659-2025-19-1-112-121

Переживание травматического события как проблема психологического консультирования

© 2025 Оганова А. Г., Исаева Э. Г.

Дагестанский государственный университет,
Махачкала, Россия; e-mail: oganowaan@yandex.ru, isaeva07@yandex.ru

РЕЗЮМЕ. Цель исследования заключалась в разработке программы, направленной на преодоление психологических последствий переживаний травматических событий. Методы. Для получения эмпирических данных были использованы следующие **методики**: опросник суицидального риска в модификации Т. Н. Разуваевой, тест-опросник «Определение уровня самооценки» С. В. Ковалёва; опросник «Одиночество» С. Г. Корчагиной; шкала тревоги Бека; анкета «Шкала безнадежности Бека»; шкала личностной и ситуативной тревоги Спилбергера-Ханина. **Результаты.** Анализ результатов после коррекции показал снижение уровня безнадежности, тревожности, одиночества, а также статистически значимо снизились уровни ситуативной и личностной тревожности, переживания одиночества. **Выводы.** Результативность программы подтвердилась, и она может быть рекомендована для работы с лицами, пережившими травматические события.

Ключевые слова: травматические события, тревожность, программа коррекции, психопрофилактика, самооценка, одиночество, личностная и ситуативная тревога.

Формат цитирования: Оганова А. Г., Исаева Э. Г. Переживание травматического события как проблема психологического консультирования // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2025. Т. 19. № 1. С. 112-121. DOI: 10.31161/1995-0659-2025-19-1-112-121

Experiencing the Traumatic Event as a Psychological Counseling Problem

©2025 Anna G. Oganova, Elmira G. Isaeva

Dagestan State University,
Makhachkala, Russia; e-mail: oganowaan@yandex.ru, isaeva07@yandex.ru

ABSTRACT. The aim of the study was to develop a program aimed at overcoming the psychological consequences of experiencing traumatic events. Methods. To obtain empirical data, the following **methods** were used: the suicide risk questionnaire modified by T. N. Razuvaeva, the test questionnaire "Determining the level of self-esteem" by S. V. Kovalev; the questionnaire "Loneliness" by S. G. Korchagina; the Beck anxiety scale; the questionnaire "Beck Hopelessness Scale"; the Spielberger-Khanin scale of personal and situational anxiety. **Results.** The analysis of the results after correction showed a decrease in the level of hopelessness, anxiety, loneliness, as well as statistically significantly decreased levels of situational and personal anxiety, loneliness experiences. **Conclusions.** The effectiveness of the program has been confirmed and it can be recommended for working with people who have experienced traumatic events.

Keywords: traumatic events, anxiety, correction program, psychoprophylaxis, self-esteem, loneliness, personal and situational anxiety.

For citation: Oganova A. G., Isaeva E. G. Experiencing the Traumatic Event as a Psychological Counseling Problem. Dagestan State Pedagogical University. Journal. Psychological and Pedagogical Sciences. 2025. Vol. 19. No. 1. Pp. 112-121. DOI: 10.31161/1995-0659-2025-19-1-112-121 (in Russian)

Введение

В современной психологии наблюдается повышенный интерес к проблемам, связанным с изучением психологических последствий воздействия психотравмирующих факторов на человека. Актуальность изучения данной проблемы обусловлена требованиями практики психологической помощи человеку, который в силу различных причин оказался подвержен воздействию травматических факторов.

Травматическое событие представляет собой не просто эпизод в жизни, который необходимо пережить и забыть. Травма является неотъемлемой частью современной реальности и может оказывать влияние на самые глубокие слои психики и переживаний индивида. Практически все основополагающие концепции в психотерапии, так или иначе, касаются темы травмы и предлагают способы работы с травматическим опытом. Феномен психотравмы, являющийся предметом исследования, как в медицине, так и в психологии, свидетельствует о его сложности, многогранности и широкой распространённости.

Л. И. Анциферова рассматривает травматическое событие как явление внутренней, субъективной реальности. В рамках данного подхода личность трактуется как субъект, обладающий способностью к непрерывному развитию, совершенствованию и преобразованию, а также к переосмыслению жизненных ситуаций, включая ситуации личностного кризиса [1].

Основываясь на принципах системного детерминизма, В. Н. Мясичев рассматривал травматическое событие как функцию интегративного взаимодействия внешних и внутренних факторов реальности субъекта. Интенсивность и глубина влияния травмирующего события на личность определяются как силой внешнего воздействия, так и уникальными психологическими особенностями индивида [7].

В работе мы объединяем различные теоретические взгляды на психологическую травму как сложное явление. Особое внимание в нашем исследовании мы уделяем концепции П. А. Левина, согласно которой травма возникает из-за нехватки ресурсов, необходимых для успешного преодоления стресса. П. А. Левин рассматривает травму как сильное переживание, которое способно управлять поведением индивида и

оказывать значительное влияние на ощущение себя в мире. Согласно концепции П. А. Левина, переживание травматического события также главный вход, который может привести нас к осознанию, пробуждению и свободе.

Для преодоления психологической травмы необходимо задействовать механизмы саморегуляции как на ментальном, так и на физическом уровнях. Этот процесс включает в себя работу с когнитивными процессами, эмоциями, телесными ощущениями и смыслами [4].

Несмотря на множество исследований травмы, она остаётся недостаточно изученной. Разнообразие теоретических концепций объясняется отсутствием однозначного определения.

В концепции психоанализа травма понимается как болезненный опыт, пережитый человеком, который впоследствии был вытеснен. З. Фрейд пишет о том, что травма не всегда проявляется в чистом виде, как болезненное воспоминание или переживание. Она становится как бы «возбудителем болезни» и вызывает симптом, «который затем обретает самостоятельность и остается неизменным». З. Фрейд проводит аналогию между травмой психической и физической: «Психическая травма или воспоминание о ней действует подобно чужеродному телу, которое после проникновения вовнутрь еще долго остается действующим фактором» [10].

В рамках логотерапии Виктора Франкла рассматриваются механизмы психологической травмы, которые исследуются под углом утраты человеком жизненно значимых смыслов. Он делал акцент на том, что интерпретация травматического события имеет не меньшее значение, чем само событие [9].

Травматическими событиями могут быть проблемы и конфликты в семье, недостаток внимания, заботы и понимания со стороны близких, негативное отношение со стороны учителей, тяжёлое заболевание, различные виды насилия (сексуальное, физическое, психологическое) и глобальные травматические события [8].

Итак, многие исследователи сходятся во мнении, что мы имеем дело с психологической травмой, когда происходит некое травмирующее событие, которое вызывает

сильные эмоции и переживания, с которыми сложно справиться, и приводит к появлению определённых симптомов.

Цель исследования заключалась в разработке программы, направленной на преодоление психологических последствий переживаний травматических событий.

Методы: для получения эмпирических данных были использованы следующие методики: опросник суицидального риска в модификации Т. Н. Разуваевой, тест-опросник «Определение уровня самооценки» С. В. Ковалёва; опросник «Одиночество» С. Г. Корчагиной; шкала тревоги Бека; анкета «Шкала безнадежности Бека»; шкала личностной и ситуативной тревоги Спилбергера-Ханина.

Результаты и обсуждение

Событие, которое привело к травме, оказывает значительное воздействие на все сферы жизни человека. Оно меняет его взгляд на мир и поведение. В организме человека происходят серьёзные изменения, которые затрагивают его нервную систему, психику и личность. Эти изменения влияют на его отношения с окружающими.

М. Ш. Магомед-Эминов в своём подходе акцентирует внимание на том, что интерпретация воздействия психической травмы на личность человека без учёта его индивидуальных особенностей представляется весьма затруднительной. Дело в том, что одно и то же событие может оказать разное воздействие на разных людей. Это зависит от того, что это событие значит для конкретного человека. Поэтому, чтобы понять, насколько сильно событие повлияло на человека, необходимо учитывать его личность. Без этого мы не сможем точно определить, насколько травмирующим было событие. Однако личность влияет не только на восприятие события [6].

Согласно концепции Э. Г. Исаевой, в основе внутриличностного конфликта лежит кризис гармонизации личности. Это противоречие, которое переживает человек между своим идеальным «Я» и реальным «Я». Оно приводит к потере целостности и утрате индивидуальных проявлений когнитивных, эмоциональных и регулятивных способностей, которые являются основой для дальнейшего развития личности. Внутриличностный конфликт проявляется в метаиндивидуальных трансформациях, вызванных несоответствием между

возможностями человека и реальностью, а также между его ожиданиями и достижениями [2].

Концепция, предложенная Э. Г. Исаевой, представляется значимой для нашего исследования, поскольку травматические события могут провоцировать внутриличностный конфликт, что в свою очередь может приводить к утрате целостности личности.

А. Н. Леонтьев в своих трудах затронул важную тему, касающуюся трансформации личности, связанную с освобождением от влияния прошлого опыта переживания травматических событий [5].

В нашем исследовании одной из ключевых проблем психологического консультирования мы видим то, что предшествующий травматический опыт может оказывать значительное влияние на формирование личности и выступать в качестве триггерных факторов. В этом контексте позиция Л. А. Леонтьева представляется релевантной.

При обсуждении травмы, как правило, на первый план выходят ветераны военных действий или лица, подвергшиеся насилию в детском возрасте. Однако феномен травмы стал настолько распространённым, что многие люди не осознают её наличия в своей жизни. Травматическое воздействие затрагивает каждого из нас.

А. И. Красило в своей концепции отмечает то, что пережившие травматический опыт индивиды могут демонстрировать специфические реакции на определённые ситуации, объекты или звуковые стимулы, что приводит к воспроизведению травматических сценариев. Это состояние может обуславливать хроническое напряжение и тревожность в повседневной жизнедеятельности [3].

Концепция А. И. Красило близка к теме нашего исследования, ведь одной из проблем переживания травматических событий является повышенная тревожность и мы солидарны с тем, что триггеры могут вызывать ретравматизацию.

Многие исследователи рассматривают тревожность как фактор уязвимости, который может появиться после переживания индивидом травматического события.

Методы и методики исследования состоят из: теоретического анализа научной

литературы, наблюдения, беседы, интервью, опросников и методов статистической обработки данных. Опросники: опросник суицидального риска в модификации Т. Н. Разуваевой, тест-опросник «Определение уровня самооценки» С. В. Ковалёва; опросник «Одиночество» С. Г. Корчагиной; шкала тревоги Бека; анкета «Шкала безнадежности Бека»; шкала личностной и ситуативной тревоги Спилбергера-Ханина. В статистической обработке использовались описательные статистики, частотный анализ, одновыборочный Критерий Колмогорова-Смирнова, Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок и t-критерий Стьюдента для зависимых групп.

В исследовании приняли участие 30 пациентов ГБУ РД «Психоневрологического диспансера» г. Махачкала с различной диагностической картиной. Возраст испытуемых от 18 до 70 лет.

Для проведения эксперимента мы разработали программу консультативной помощи и назвали ее «Перерешение». Программа «Перерешение», разработанная нами с опорой на основе многолетнего опыта профессора ДГУ Эльмиры Гаджиевны Исаевой, включает интегративный подход с техниками из разных направлений психологии. Применяются упражнения из когнитивно-поведенческой терапии, гештальт-терапии, телесно-ориентированной терапии и арт-терапии. Программа реализовалась под наблюдением клинического психолога Заремы Магомедовны Убайдатовой.

Каждое занятие тематическое и направлено на снижение экстремальности кризиса после травматических событий. Программа включает индивидуальные и групповые техники, выбранные с учетом актуальных проблем переживших травму (тревожность, нехватка ресурсов для преодоления травматического события, ощущение безнадежности, коммуникативные проблемы и др.).

Программа направлена на развитие коммуникативных навыков, активацию личностных ресурсов, обучение навыкам саморегуляции и минимизацию суицидального риска.

В анализе результатов нашего экспериментального исследования было вычисление описательных статистик для шкал Опросника суицидального риска Т. Н. Ра-

зуваевой и проверка на нормальность распределения для каждой из использованных в диагностике шкал на констатирующем этапе работы. Описательные статистики показывают, что в нашей выборке испытуемых по результатам первого диагностического исследования показатели по шкалам «демонстративность», «аффективность», «уникальность», «несостоятельность», «временная перспектива» и «антисуицидальный риск» чаще встречаются значения выше среднего. Далее для проверки нормальности распределения значений по шкалам данного опросника был использован Одновыборочный критерий Колмогорова-Смирнова.

Согласно полученным данным, ни по одной из шкал Опросника Т. Н. Разуваевой нет нормального распределения значений, следовательно, для проведения дальнейшего статистического анализа возможно применение только непараметрических методов статистики.

После проведения психопрофилактической коррекционной программы «Перерешение» в группе испытуемых вновь были вычислены описательные статистики и проведена проверка на нормальность распределения по шкалам Опросника суицидального риска Т. Н. Разуваевой. Отрицательные показатели асимметрии показывают, что значения выше среднего чаще встречаются по шкалам «демонстративность», «несостоятельность», «социальный пессимизм», «слом культурных барьеров» и «антисуицидальный фактор».

Результаты применения одновыборочного Критерия Колмогорова-Смирнова так же, как и на констатирующем этапе, показали, что нормального распределения значений не наблюдается ни по одной из шкал данной методики. Поэтому для сопоставления показателей по шкалам «Опросника суицидального риска», полученных на констатирующем и контрольном этапах исследования, нами использовался Т-критерий Вилкоксона.

Анализ показал, что достоверные сдвиги в значениях отмечены по таким шкалам, как «демонстративность», «социальный пессимизм», «слом культурных барьеров» и «антисуицидальный фактор». На рисунках 1-4 показаны результаты использования Критерия Вилкоксона для указанных шкал.

Согласно полученным результатам, установлено, что интенсивность сдвигов в сторону снижения значений по шкалам «демонстративность», «социальный пессимизм» и «слом социальных барьеров» превышает интенсивность сдвигов в сторону их увеличения, а интенсивность сдвига в сторону увеличения значений по шкале «антисуицидальный риск» превышает интенсивность сдвигов в сторону их снижения.

По остальным шкалам Опросника суицидального риска достоверных изменений после работы по программе «Перерешение» в нашей группе испытуемых выявлено не было.

Перейдём к рассмотрению результатов, полученных на констатирующем этапе исследования с помощью «Шкалы тревоги» А. Бэка, Опросника «Одиночество» С. Г. Корчагиной, «Шкалы безнадёжности» А. Бэка и Тест-опросника «Определение уровня самооценки» С. В. Ковалёва.

Правосторонняя асимметрия по «шкале тревожности» А. Бэка ($A = -0,445$) показывает, что в распределении чаще встречаются значения больше среднего, то есть, в нашей выборке испытуемых респондентов с уровнем тревожности выше среднего больше, чем с уровнем ниже среднего.

Далее описательные статистики были вычислены для этих же шкал на контрольном этапе эксперимента.

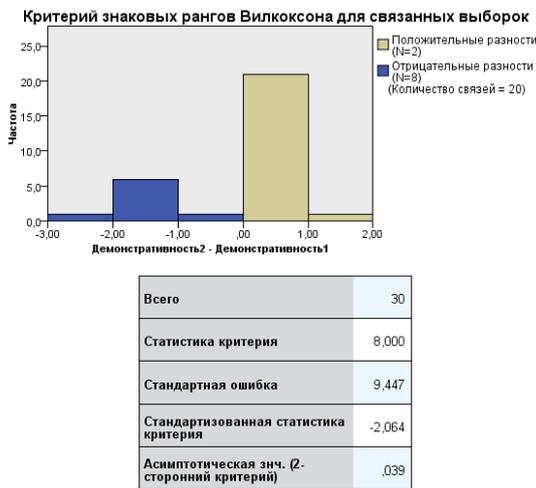

Рис. 1. Критерий Вилкоксона для шкалы «демонстративность»

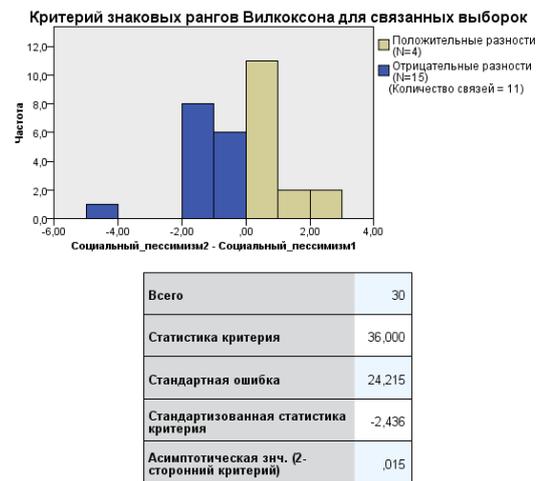

Рис. 2. Критерий Вилкоксона для шкалы «социальный пессимизм»

Рис. 3. Критерий Вилкоксона для шкалы «слом социальных барьеров»

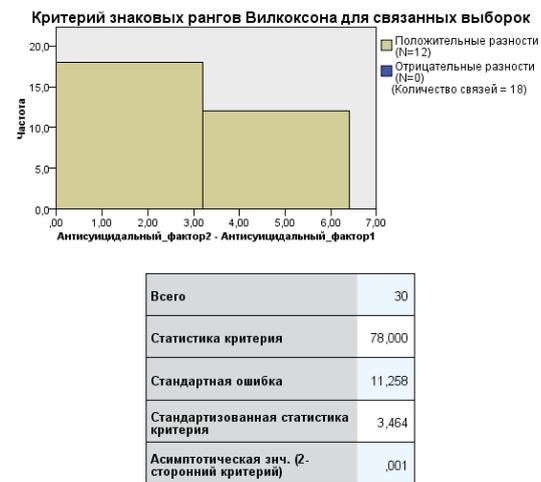

Рис. 4. Критерий Вилкоксона для шкалы «антисуицидальный фактор»

Так же, как и на констатирующем этапе, на контрольном этапе отрицательная асимметрия по «шкале тревожности» А. Бэка ($A=-0,534$) показывает, что в распределении чаще встречаются значения выше среднего, то есть, в нашей выборке испытуемых респондентов с уровнем тревожности выше среднего показателя больше, чем с показателями ниже среднего.

Для определения методов статистической обработки эмпирических данных, полученных при исследовании уровня тревожности, одиночества, безнадёжности и самооценки на констатирующем и контрольном этапах исследования мы вновь использовали Одновыборочный критерий Колмогорова-Смирнова, показатели асимптотической значимости по Шкале одиночества и Шкале самооценки подтверждают нормальность распределения по этим шкалам на констатирующем этапе работы. В то же время, на контрольном этапе нормальное распределение значений выявлено по «Шкале безнадёжности» А. Бэка и «Шкале самооценки» С. В. Ковалева.

Таким образом, нормальность распределения значений на обоих этапах выявлена только по «Шкале самооценки» С. В. Ковалева, что в дальнейшем позволяет нам использовать параметрическую статистику. В отношении трёх оставшихся шкал статистика будет непараметрическая.

Полученные результаты показали, что интенсивность сдвигов в сторону снижения значений по шкалам «Тревожность» А. Бэка, «Одиночество» С. Г. Корчагиной и «Шкале безнадёжности» А. Бэка превышает интенсивность сдвигов в сторону их

увеличения, то есть, можно говорить о том, что после проведения психопрофилактической коррекционной программы «Перерешение» в нашей группе испытуемых достоверно снизились показатели тревожности, безнадёжности и уровня переживания одиночества.

Наблюдается снижение показателей средних значений по шкале самооценки С. В. Ковалева, полученные на констатирующем и контрольном этапах эксперимента. Для проверки различий между первым измерением и вторым был использован Т- Критерий Стьюдента для зависимых групп. Показатели критерия и уровень значимости представлены в таблице 1. Результаты диагностики уровня самооценки после проведения коррекционной программы «Перерешение» показали, что он стал достоверно ниже, чем был на констатирующем этапе исследования.

И, наконец, рассмотрим результаты исследования уровней ситуативной и личностной тревожности, измеренных при помощи Теста Спилбергера-Ханина до использования программы и после неё. В таблице 2 содержатся описательные статистики для шкал опросника, полученные на констатирующем и контрольном этапах исследования.

Согласно полученным данным до проведения коррекционной программы в показателях ситуативной и личностной тревожности значений выше среднего было заметно больше, чем ниже среднего. При этом, после проведения программы такая картина сохранилась только по шкале ситуативной тревожности.

Таблица 1

Показатели Т-Критерия Стьюдента для зависимых групп для шкалы «Самооценка» С. В. Ковалева

		Т-Критерий парных выборок					
		Парные разности			т	ст. св.	Знач. (2-х сторонняя)
Среднее значение	Стандартная отклонения	Среднекв. ошибка среднего					
Пара 1	Самооценка1 Самооценка2	2,100	3,100	,566	3,710	29	,001

Таблица 2

**Описательные статистики для шкал ситуативной и личностной тревожности теста
Спилбергера-Ханина на констатирующем и контрольном этапах исследования**

		Статистика			
		Ситуативная тревожность1	Личностная тревожность1	Ситуативная тревожность2	Личностная тревожность2
N	Допустимо	30	30	30	30
	Пропущенные	0	0	0	0
Среднее значение		52,97	54,07	47,53	48,73
Медиана		51,50	54,50	47,50	48,50
Мода		51 ^a	59	47	47 ^a
Стандартная отклонения		8,720	8,890	8,182	8,077
Асимметрия		-,425	-,043	-,048	,510
Стандартная Ошибка асимметрии		,427	,427	,427	,427
Экссесс		,002	,166	-,617	,724
Стандартная ошибка эксцесса		,833	,833	,833	,833

a. Существует несколько модальных значений. Показано наименьшее значение

Показатели асимптотической значимости (табл. 3) позволяют сделать заключение о том, что по обеим шкалам на констатирующем и контрольном этапах исследования распределение нормальное, поэтому для проверки достоверности различий

между первым и вторым измерением будет использован параметрический Т- критерий Стьюдента для зависимых групп. В таблице 4 показаны значения критерия и уровень значимости различий.

Таблица 3

**Одновыборочный Критерий Колмогорова-Смирнова для шкал ситуативной
и личностной тревожности опросника Спилбергера-Ханина на констатирующем
и контрольном этапах исследования**

		Одновыборочный критерий Колмогорова-Смирнова			
		Ситуативная тревожность1	Личностная тревожность1	Ситуативная тревожность2	Личностная тревожность2
N		30	30	30	30
Параметры нормального распределения ^{a,b}	Среднее значение	52,97	54,07	47,53	48,73
	Среднеквадратичная отклонения	8,720	8,890	8,182	8,077
Наибольшие экстремальные расхождения	Абсолютная	,125	,089	,141	,143
	Положительные	,089	,089	,093	,143
	Отрицательные	-,125	-,077	-,141	-,115
Статистика критерия		,125	,089	,141	,143
Асимптотическая значимость (2-сторонняя)		,200^{c,d}	,200^{c,d}	,134^c	,120^c

a. Проверяемое распределение является нормальным.
b. Вычислено из данных.
c. Коррекция значимости Лиллиефорса.
d. Это нижняя граница истинной значимости.

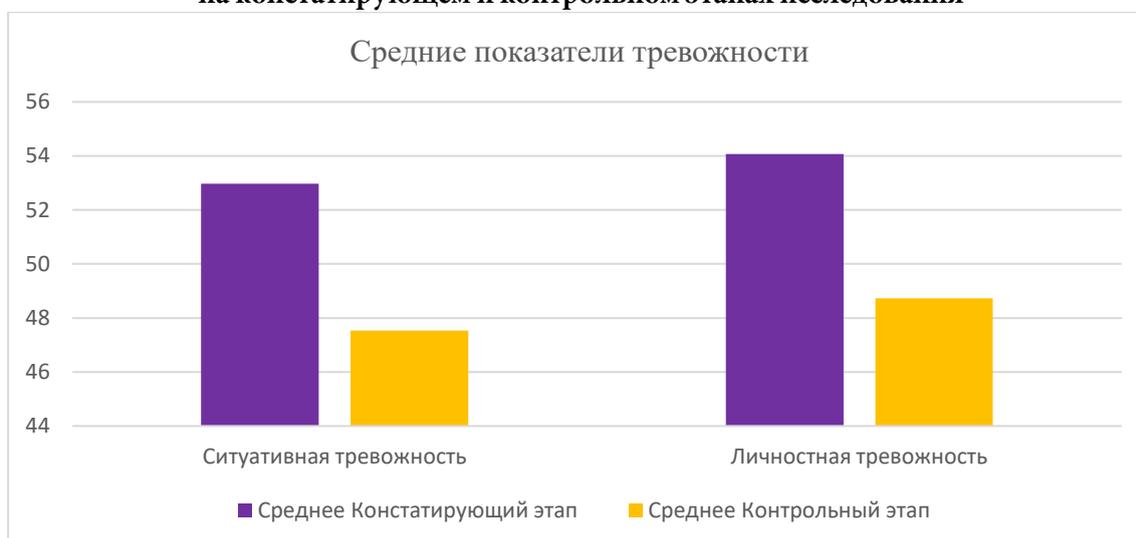
Таблица 4

Показатели Т-Критерия Стьюдента для зависимых групп
 для шкал теста Спилбергера-Ханина

		Критерий парных выборок					
		Парные разности			Т	ст.св.	Знач. (2-х сторонняя)
		Среднее значение	Стандартная отклонения	Среднекв. Ошибка среднего			
Пара 1	Ситуативная тревожность1 – Ситуативная тревожность2	5,433	6,207	1,133	4,794	29	,000
Пара 2	Личностная тревожность1 – Личностная тревожность2	5,333	5,300	,968	5,511	29	,000

Диаграмма 1

Средние показатели ситуативной и личностной тревожности
 на констатирующем и контрольном этапах исследования

Анализ показал, что после проведения программы «Перерешение» показатели ситуативной и личностной тревожности в группе испытуемых стали достоверно выше.

На диаграмме 1 видно заметное снижение уровней ситуативной и личностной тревожности после проведения психопрофилактической коррекционной программы «Перерешение».

Результаты эксперимента были обработаны с помощью IBM SPSS Statistics 22. Использовались описательные статистики, частотный анализ, Критерий Колмогорова-Смирнова, Критерий Вилкоксона для связанных выборок и t-критерий Стьюдента для зависимых групп.

Таким образом, Частотный анализ, Критерий Колмогорова-Смирнова, Критерий Вилкоксона для связанных выборок и t-критерий Стьюдента для зависимых групп

подтверждают, что после проведения психопрофилактической коррекционной программы у испытуемых достоверно снизились показатели тревожности, безнадёжности и уровня переживания одиночества.

Вывод

Анализ результатов проведенного нами экспериментального исследования, в котором применялась психопрофилактическая коррекционная программа «Перерешение», показал, что после проведения занятий у участников эксперимента заметно снизилось стремление привлечь к себе внимание окружающих и добиться от них сочувствия, мир стал в меньшей степени восприниматься в негативном свете. Также стали менее привлекательными поиск культурных норм и ценностей, оправдывающих суицид, и копирование суицидальных моделей поведения. При этом появилась выразительность жизнеутверждающих

установок, выступающих как ресурсный показатель для психокоррекции.

Далее анализ показал, что после коррекции значимо снизился уровень ощущений безнадёжности, чувства потерянности в мире, собственной неполноценности, ощущения «ненужности никому», оценка себя как несчастного человека, реже стали пессимистичные размышления о своей судьбе и мысли сожаления о прошлом.

У испытуемых достоверно стал более низким уровень ситуативной тревожности, проявляющийся в беспокойстве,

напряжении, нервозности и озабоченности при возникновении стрессовой ситуации. Личностная тревожность снизилась, жизненные ситуации стали менее угрожающими.

В результате реализации психопрофилактической коррекционной программы «Перерешение» в исследуемой группе было зафиксировано статистически значимое снижение уровня переживания одиночества. Программа может быть рекомендована для работы с лицами, пережившими травматические события.

Литература

1. Анцыферова Л. И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1. С. 3-17.
2. Исаева Э. Г. Внутриличностная конфликтность как проблема научной рефлексии: монография. Махачкала: ДНЦ РАН, 2002. 156 с.
3. Красило А. И. Социально-гуманистический анализ психологической травмы // Культурно-историческая психология. 2009. Т. 5. № 3. С. 81-90.
4. Левин П. Исцеление от травмы: уроки природы. Спец. выпуск: Работа с психической травмой. Московский психотерапевтический журнал. 2003. № 1. С. 53-69.
5. Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения в 2-х тт.: монография. М.: Издательство Педагогика 1983. 320 с.

6. Магомед-Эминов М. Ш. Трансформация личности: Учебное пособие по психологии личности для психоаналит. учеб. заведений. М.: Издательство ПАРФ, 1998. 494 с.
7. Мясичев В. Н. Избранные труды: монография. М.: Издательство Воронеж, 1995. 356 с.
8. Рынгах Е. В. Влияние травматических событий на детей младшего школьного возраста // Актуальные вопросы современной науки и образования: сборник статей XL Международной научно-практической конференции. Пенза: Издательство Наука и Просвещение, 2024. С. 149-151.
9. Франк В. Человек в поисках смысла. М.: Издательство Прогресс, 2010. 368 с.
10. Фрейд З. Введение в психоанализ. Перевод с немецкого Г. В. Барышниковой под редакцией Е. Е. Соколовой и Т. В. Родионовой. СПб.: Издательство Азбука, 2017. 446 с.

References

1. Antsyferova L. I. *Lichnost' v trudnykh zhiznennykh usloviyakh: pereosmyslenie, preobrazovanie situacij i psikhologicheskaya zashchita* [Personality in Difficult Life Conditions: Rethinking, Transforming Situations, and Psychological Defense]. *Psychological Journal*. 1994. Vol. 15. No. 1. Pp. 3-17. (In Russian)
2. Isaeva E. G. *Vnutrilichnostnaya konfliktnost' kak problema nauchnoj refleksii: monografiya* [Intrapersonal Conflict as a Problem of Scientific Reflection]. Makhachkala: DSC RAS, 2002. 156 p. (In Russian)
3. Krasilo A. I. *Social'no-gumanisticheskij analiz psikhologicheskoy travmy* [Social and Humanistic Analysis of Psychological Trauma]. *Cultural and Historical Psychology*. 2009. Vol. 5. No. 3. Pp. 81-90. (In Russian)
4. Levin P. *Isцelenie ot travmy: uroki prirody* [Healing from Trauma: Lessons from Nature]. Special issue: Working with Mental Trauma. Moscow

6. Magomed-Eminov M. Sh. *Transformaciya lichnosti: Uchebnoe posobie po psikhologii lichnosti dlya psikhoanalit. ucheb. zavedenij*. Moscow: PАРF Publishing House, 1998. 494 p. (In Russian)
7. Myasishchev V. N. *Izbrannye trudy: monografiya* [Selected Works: monograph]. Moscow: Voronezh Publishing House, 1995. 356 p. (In Russian)
8. Rynghach E. V. *Vliyanie travmaticheskikh sobytij na detej mladshego shkol'nogo vozrasta* [The Impact of Traumatic Events on Children of Pri-

mary School Age]. Current Issues in Modern Science and Education: Collection of Articles from the XL International Scientific and Practical Conference. Penza: Science and Education Publishing House 2024, 149-151 p. (In Russian)

9. Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla* [Man's Search for Meaning]: collection. Moscow:

Progress Publishing House, 2010. 368 p. (In Russian)

10. Freud Z. *Vvedenie v psikhoanaliz* [Introduction to Psychoanalysis]. Translated from German by G. V. Baryshnikova, edited by E. E. Sokolova and T. V. Rodionova. St. Petersburg: Azbuka Publishing House, 2017. 446 p. (In Russian)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Принадлежность к организации

Оганова Анна Гарриевна, магистрант, кафедры психологии консультирования и профессиональной деятельности, Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия; e-mail: oganowaan@yandex.ru

Исаева Эльмира Гаджиевна, доктор психологических наук, профессор, кафедры психологии консультирования и профессиональной деятельности, Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия; e-mail: isaeva07@yandex.ru

Принята в печать 12.02.2025 г.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Affiliations

Anna G. Oganova, undergraduate, the chair of Psychology of Counseling and Professional Activity, Dagestan State University, Makhachkala, Russia; e-mail: oganowaan@yandex.ru

Elmira G. Isaeva, Doctor of Psychology, Professor, the chair of Psychology of Counseling and Professional Activity, Dagestan State University, Makhachkala, Russia; e-mail: isaeva07@yandex.ru

Received 12.02.2025.